

Вместе с порывами холодного ветра налетел ледяной дождь, едва он распахнул дверь, как вода хлынула ему прямо в лицо. Щеки еще пылали румянцем, а в голове шумело, но от резкого порыва воздуха он немного протрезвел.

Из-за недавней бурной активности алкоголь разлился по всему телу, но опьянение так и не прошло. Глядя в непроглядную ночную тьму, рассекаемую потоками ливня, он вдруг с опозданием сообразил, что забыл взять с собой зонт.

Он лишь на мгновение замер, собираясь сломя голову броситься под дождь.

Однако в следующую секунду чья-то рука крепко сжала его запястье.

Лян Циншэн нахмурился и резко обернулся. Во взгляде сквозили холодная проницательность и ошетилившаяся, словно нож, самозащита. На свету его затуманенный алкоголем мозг работал с заметным трудом.

Уставившись на чистого, аккуратного юношу, он потратил добрых несколько секунд, прежде чем сообразил, кто это.

Заметив, что он остановился, Цы Ханьсун разжал пальцы. В руке он держал черный зонт.

— Ты чего? — из-за пережитого предательства и хмельного куража тон Лян Циншэня звучал раздраженно.

Цы Ханьсун поправил на переносице очки. Его голос от природы казался отстраненным и холодным, а движения — исполненными элегантности:

— Вы ведь расстались с Фэн Ли?

При упоминании Фэн Ли или всего, что с ним связано, Лян Циншэн тут же вспылел. Его голос, полный вызова, обжигал, словно крепкий алкоголь:

— Какая тебе вообще разница?!

Выражение глаз Цы Ханьсуна не изменилось, лишь сдержанный изгиб губ стал чуть заметнее. Взгляд скользнул по его покрасневшим глазам, прошелся по двигающемуся кадыку и рельефным мышцам предплечий — выдающимся достоинствам, которые отчетливо угадывались даже под мешковатыми карго.

— Фэн Ли попросил меня разыскать тебя, — не меняясь в лице и сохраняя абсолютное спокойствие, произнес Цы Ханьсун со строгим выражением. — Он сказал, что у него есть вещь, которую нужно тебе вернуть.

И добавил:

— Еще сказал, что если ты не забереешь ее, он не станет с тобой расставаться.

Лян Циншэн вытаращил глаза. Его и без того горячий нрав, не успевший остыть после вспышки гнева, разгорелся с новой силой. Растеряв остатки рассудка, он легко поверил этим словам:

— Расставание — и столько чертовых заморочек, да чтоб его, как же всё это надоело!

И все же, шатаясь и едва переставляя ноги, он послушно поплелся следом за Цы Ханьсуном. Глядя на высокую стройную спину идущего впереди человека, он вдруг уставился на открывшийся полотчик белоснежной кожи на затылке.

Тонкая и изящная шея притягивала к себе все внимание.

Поглазев пару секунд, он машинально отвел взгляд, а затем подумал: почему это ему нельзя смотреть? У него вообще-то больше нет парня, его предали!

С какой стати не смотреть? Буду смотреть!

И пока он, с рассерженными расфокусированными глазами и пылающим лицом, пялился на этот самый затылок, обладатель шеи уже развернулся к нему лицом.

Очки в тонкой оправе придавали ему необычайно холодный вид. Цы Ханьсун выпил совсем немного, и его щеки чуть порозовели, отчего строгие брови и глаза неожиданно приобрели манящий оттенок, правда, скрытый за линзами и не бросающийся в глаза.

Заметив, как Лян Циншэн сверлит его покрасневшими глазами, словно он — тот самый предатель, что наставил ему рога, Цы Ханьсун чуть изогнул губы и небрежно поманил его пальцем:

— Иди сюда.

Караоке, где они незадолго до этого пели, находилось на четвертом этаже этого торгово-офисного центра, но Цы Ханьсун нажал кнопку десятого этажа — там располагалась гостиница.

Лян Циншэн прислонился к стене лифта, полностью уйдя в себя. На душе было тягостно и тоскливо, словно его внутренности сжимали и мнули чьи-то тиски, не давая вздохнуть. Уголки глаз покраснели, казалось, еще секунда — и он расплачется.

Но он был не из тех, кто пускает слезы. Наверное, просто перепил.

Точно. Выпил лишнего.

В голове крутилась лишь одна-единственная мысль: он непременно должен порвать с Фэн Ли.

Хватит с него этих отношений.

Как же всё это опротивило.

Дверь лифта с тихим звоном разъехалась. Выйдя наружу, Лян Циншэн только сейчас заметил странную обстановку вокруг: вереницы одинаковых дверей номеров. Окинув всё вопросительным и недоверчивым взглядом, он хрипло бросил:

— Мы что, не туда пришли?

— Туда, — Цы Ханьсун, зажав в руке карточку-ключ, отыскал нужную дверь.

Раздался электронный писк, и дверь отворилась. Внутри царил кромешный мрак.

— Заходи, вещи внутри, — Цы Ханьсун распахнул дверь до конца, а затем замер на пороге, точь-в-точь походя на охотника, который затаился в засаде и ждет, пока пьяный кролик сам угодит в ловушку.

У Лян Циншэня в висках отчаянно пульсировала тупая боль. Нахмурившись, он шагнул внутрь и окинул взглядом комнату — никого не было, никаких вещей тоже.

Дверь за его спиной щелкнула, закрываясь. В помещении остались только они двое.

— Где вещи? — потребовал ответа Лян Циншэн.

— Я соврал, — Цы Ханьсун включил кондиционер и скинул бежевый тренч. Под ним оказалась простая белая рубашка, подчеркивавшая его прямую, стройную фигуру. Положив пульт на тумбочку, он повернулся.

— Зачем ты мне соврал? — брови Лян Циншэня сошлись на переносице, но глаза помимо воли продолжали смотреть на его лицо.

— Потому что... — уголки персиковых глаз Цы Ханьсуна чуть изогнулись, а в отстраненном взгляде промелькнула игривая искорка. Холодность исчезла, и он протянул слова: — Я хочу переспать с тобой.

Хотя Лян Циншэн был пьян, разум еще не до конца покинул его. Нахмуренные брови распрямились от удивления.

Это звучало абсурдно: он — друг Фэн Ли, а этот парень — его бывший, с которым они только что расстались.

Лицо Лян Циншэня помрачнело, он резко развернулся к выходу:

— Псих. Хватит шутки шутить.

Цы Ханьсун преградил ему дорогу и неторопливо расстегнул верхние пуговицы рубашки, обнажая изящные ключицы. На его бесстрастном, строгом лице проступил легкий румянец, а глаза за холодными стеклами очков лукаво сузились, источая какое-то неодолимое притяжение:

— Кто с тобой шутит?

Широкая полоса белой кожи от ключиц и ниже открылась взору мужчины — темному, глубокому и жадному.

Лян Циншэн сжал кулаки, стиснув зубы до боли в челюсти. Его пронзительный взгляд намертво прилип к стоявшему перед ним человеку, не в силах оторваться.

— Вы же сегодня расстались. Или ты собрался хранить по нему трехлетний траур, прежде чем лечь в постель с кем-то другим? — Цы Ханьсун был настолько хорош собой, что даже эти насмешливые слова звучали по-особенному притягательно, хотя сквозившее в них презрение резало глаз.

Хотя дорогу ему преградили, ноги Лян Циншэня словно пустили корни. Мозг, работавший с черепашьей скоростью, подавал сигналы протеста, но глаза полностью вышли из-под контроля, впитывая вид этих изящных белых пальцев. Возводимая разумом неприступная крепость рушилась камень за камнем.

Заметив искры в его покрасневших глазах и обжигающий, пожароопасный взгляд, Цы Ханьсун почувствовал, как у него слегка задрожали пальцы. Последняя пуговица поддавалась долго, но в конце концов и она была расстегнута. К счастью, Лян Циншэн соображал не слишком ясно и ничего не заметил.

Щёки Цы Ханьсуна порозовели, словно прекрасный нефрит, тронутый манящими румянами. Кончиком языка он облизнул губы и шаг за шагом приблизился к нему. В уголках его глаз вспыхнул возбуждённый блеск, а голос прозвучал холодно и соблазнительно:

— Посмотри... Кто красивее: я или Фэн Ли?

Кулаки Лян Циншэна сжались так сильно, что, казалось, из них вот-вот брызнет вода. Услышав это, его и без того бунтарское лицо озарилось ещё более дерзким выражением, и он усмехнулся:

— Мне пора возвращаться в университет.

Соблазнительная улыбка мгновенно исчезла с лица Цы Ханьсуна. Опустив взгляд и заметив, что Лян Циншэн явно возбуждён, но всё равно уходит, он всем существом погрузился в ледяной холод.

Лян Циншэн сказал — и тут же зашагал прочь. Когда они поравнялись, до его слуха долетел леденящий душу голос Цы Ханьсуна, прозвучавший на редкость резко:

— Если ты уйдёшь, а номер уже оплачен, я не стану тратить его впустую — просто притащу сюда Фэн Ли и изнасилую.

Эти слова были сказаны без обиняков, но в их тоне не было ни капли шуток — всё говорилось со смертельной серьёзностью. С виду Цы Ханьсун выглядел чистым, неприступным и правильным отличником, но лишь он сам знал, сколь безумными и фанатичными были его тайные мысли. Фэн Ли изо дня в день твердил в общежитии о том, какой у него замечательный парень и как сильно тот его любит.

И чем больше он это слушал, тем сильнее жаждал заполучить его, заставить полюбить себя.

Стоит ли говорить, что он влюбился в Лян Циншэна с первого взгляда еще в самый первый день учебы в университете. Если бы не последние остатки моральных принципов, он бы уже давно затащил Лян Циншэна в постель, пусть даже с помощью снотворного.

Сегодня тот наконец расстался со своим парнем, а значит, теперь его ничто не сдерживало.

Лян Циншэн сжал зубы, его глаза стали совсем темными. В груди внезапно вспыхнуло пламя, в мгновение ока сождевшее все его остатки рассудка. Он резко вцепился в чужое горло и вдавил парня в матрас. Кровать заскрипела, и от неожиданного толчка Цы Ханьсун на мгновение растерялся. Выражение холодной суровости на его лице стало ещё резче, а в голосе послышался гнев:

— Какого чёрта ты творишь, с ума сошёл?

Цы Ханьсун, совершенно неспособный сопротивляться, был с размаху прижат им к кровати. Чужая рука крепко впилась ему в горло, и от лёгкого удушья его щеки порозовели, а в уголках глаз выступили слёзы:

— Стоит мне упомянуть Фэн Ли, как ты так сильно заводишься... неужели он тебе настолько нравится?

В глубине его глаз плескалась глубокая досада, он внезапно холодно усмехнулся и, совершенно не обращая внимания на мужчину, сжимающего его смертельную точку, протянул руку, чтобы схватить его.

Тело Лян Циншэна тут же оцепенело. Выпучив глаза, покрытые сетью багровых прожилок, он свирепо уставился на Цы Ханьсына. Выражение его лица было настолько свирепым, что казалось, он готов разорвать его на куски и выпить его кровь.

Цы Ханьсун ни капли не испугался. Уголки его губ слегка приподнялись, а на лице проступило ещё более соблазнительное, завораживающее выражение. Белоснежная грудь часто вздымалась от учащённого дыхания, напоминая тугой белый парус, который треплет и рвёт штормовой ветер посреди бушующего моря.

Из-за того, что горло было пережато, его голос звучал слегка хрипло, а в глазах таился скрытый вызов и торжество:

— Я действительно не понимаю, какого чёрта ты притворяешься?

Дыхание Лян Циншэна резко участилось. Он разжал руку, сжимавшую чужую шею, и попытался отстраниться, но этот бесстыдный человек вцепился в него мёртвой хваткой и вовсе не собирался отпустить. Помрачнев, он бросил:

— Убери руки.

Разве Цы Ханьсун стал бы его слушать? Он лишь с ещё большим усилием вцепился в него.

— Давай же, выбирай: либо ты трахаешь меня, либо я иду трахать Фэн Ли, — вновь повторил Цы Ханьсун этот нелепый вопрос. В голове у Лян Циншэна гудело. Другой мощный позывной импульс успешно смешался с алкоголем, вызвав ещё более бурную реакцию: он схватил Цы Ханьсуна за запястье и слегка выкрутил его.

Цы Ханьсун от боли разжал пальцы. В тот самый момент, когда он уже собирался нахмуриться и вспылить, мужчина с силой швырнул его руку — словно вымещая накопившееся недовольство — и прижал к собственной макушке, прямо столкнувшись с парой погрузившихся во мрак глаз, в которых бушевали подавленный гнев и страсть.

Дыхание Цы Ханьсуна на миг перехватило. Внимательно взглядевшись в выражение его лица, он прищурился, уголки его губ изогнулись в улыбке. Приподнявшись, словно принося себя в жертву, он подался вперед и поцеловал его. Этот поцелуй стал подобен брошенному в гладь воды камню — взметнувшаяся волна накрыла его с головой.

— Какого хрена сразу так нельзя было... — они целовались так, что оба задыхались. Их яростный напоры были равны друг другу, напоминая двух сошедшихся в рукопашной схватке львов, из которых ни один не желал уступить.

Лян Циншэн прикусил его язык, храня молчание. Казалось, из-за алкоголя его речевой аппарат тоже отказал, и он походил на пашущего в поте лица старого буйвола, который видит перед собой лишь те белые ноги, словно это иссушенное поле, ожидающее пахоты.

— Я считаю поступок Фэн Ли крайне постыдным. Будучи его хорошим другом и соседом по комнате, я решил как следует помочь ему загладить вину перед его парнем... м-м-м! — Цы Ханьсун не успел договорить, как Лян Циншэн набросился на него и впился в его губы, не давая произнести еще более безумные слова.

Глаза Цы Ханьсуна сузились в полумесяцы, он крепко обнял его за шею, втягивая его губы и язык. Все было именно так, как он себе и представлял: у Лян Циншэна оказалась огромная сила — обхватив его за пояс одной рукой, он мог запросто приподнять его, оторвав от земли, без малейших усилий.

— Лян Циншэн...ними с меня очки, — голос Цы Ханьсуна звучал хрипло, пропитанный влагой и винными парами, прерывистый.

Его длинная, изящная лебединая шея чуть изогнулась. Очки съехали с переносицы на кончик носа, обнажив красивые, влажные от слез глаза, уголки которых слегка покраснели.

Лян Циншэн поднял голову, и его темный, обжигающий взгляд встретился с глазами Цы Ханьсуна, в которых читались довольство и блаженная улыбка. По его лбу катились крупные, с горошину, капли пота, рельефные мышцы вздулись от притока крови. Алкоголь уже испарился в воздухе, и прежней слепой ярости не осталось, но и останавливаться он не хотел.

Одной рукой обняв Цы Ханьсуна за талию и приподняв его, он другой рукой стянул с него очки, впечатал человека в изголовье кровати и снова поцеловал, небрежно швырнув очки на прикроватную тумбочку.

Раздался звонкий стук — очки соскользнули с тумбочки и одиноко рухнули на пол.

Окутанный аурой мужчины, Цы Ханьсун сладко дрожал от удовольствия, а в уголках его глаз выступили слезы. Переведя дыхание, он пробормотал:

— Поосторожнее, они обошлись мне больше чем в двести тысяч.

Движения Лян Циншэна на секунду замерли — казалось, он собирался проверить, не разбились ли эти дорогие очки.

Цы Ханьсун поднял руки, обхватил его голову и притянул к себе, медленно выдыхая горячий воздух ему на ухо, обвивая крепкое человеческое тело, словно женщина-змея:

— Куда собрался?

— Трахай меня быстрее.